Фёдор Титарчук

ГДЕ-ТО В «ЗАЗЕРКАЛЬЕ»

сборник фантастических историй

Фёдор Титарчук

Где-то в «Зазеркалье». Сборник фантастических историй

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=38977628
ISBN 9785449363459

Аннотация

Смотрели сериал «Черное зеркало»? Или «Электрические сны Филиппа Дика»? Нет, это не пересказ экранизации, но подход примерно тот же. Будущее. Футуристическое, непредсказуемое будущее человечества, где в одном случае люди со всеми своими комплексами «переехали» в новый технологический уклад. Или, напротив, где изменившиеся люди строят совсем иную жизнь. Или люди открыли способность с этими силами вступать в контакт. Вот об этом всем и повествуется в этом сборнике фантастики.

Содержание

Мир большого Шоу 6
Кому ты нужен, Сем? 36
Бар «Наемник-Буратино» 70
Конец ознакомительного фрагмента. 80

Где-то в «Зазеркалье» Сборник фантастических историй

Фёдор Титарчук

© Фёдор Титарчук, 2018

ISBN 978-5-4493-6345-9
Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

О чем все это?!

А вот о чем:

Смотрели сериал «Черное зеркало»? Или «Электрические сны Филиппа Дика»? Как не смотрели?! Тогда какой-же Вы ценитель фантастики?!

А, вес же что-то да видели?! О чем-то слышали?! Тогда Вам сюда. На страницы этого сборника.

Нет, это не пересказ экранизации. Ни на минуту, но, все же, стоит отметить, что подход примерно тот же.

Будущее. Футуристическое, непредсказуемое будущее человечества, где в одном случае люди со всеми своими странностями и комплексами «переехали»

в новый технологический уклад. Или, напротив, где изменившиеся люди строят совсем иную жизнь. Или, а чего, собственно, не бывает в жизни и в футурологии – вмешались сторонние силы или даже не так – люди открыли способность с этими силами вступать в контакт.

Вот об этом всем и повествуется в этом, пускай и скромном, но все же с попыткой выдержать в канонах классической фантастики сборнике.

Приятного прочтения.

Мир большого Шоу

Челнок наконец-то вышел на стационарную орбиту Марса и Нил Армстронг настроил видеокамеру, готовясь писать очередной свой блог.

– Привет всем подписчикам моего блога. Это Нил Армстронг, – улыбался он поерзывая в своём кресле, пристегнутый ремнями «безопасности». – И я, Нил Армстронг, первый человек, который наконец-то достиг Марса.

Здесь Нил, что говорится, приукрашивал. И Марса он пока не достиг – всего лишь закрепившись на орбите, да и то с некоторым перекосом, грозившим «свалить его челнок» в неуправляемое падение. Да и звали Его не Нилом, и уж точно не Армстронгом. Но, с иной стороны, кто как не Нил и не Армстронг мог сделать тот самый маленький шаг человека, который станет большим шагом человечества? Так что имя уже становилось нарицательным и Нил сейчас кружил на орбите, готовясь к последнему этапу – спуску на поверхность.

Он был не первым. И уж точно не последним. Наверное, с десяток человек, часть из которых тоже была Нилами Армстронгами – прямо как в дешевом сериале, где постоянно меняются актеры на главной роли – добирались до красной планеты, даже закреплялись на её орбите, но ни кто ещё благополучно до поверхности не добирался. Увы.

– Полтора часа назад мой корабль, запущенный несколько месяцев назад с мыса на побережье океана, наконец-то добрался до расчетной точки и… – и здесь Нил привирал. Корабль опоздал на пару дней, отчего ему пришлось выслушать массу нелицеприятного «из центра», а потом догонять убегающую планету. И, естественно, в точку входа он не попал и не успел.

– Это был интересный и увлекательный полет… – как всегда, ничего не значащий текст, который приходится произносить, когда требуется заполнение пустоты в силу отсутствия «чего бы сказать». – И впереди, передо мной, лежит красная планета, до которой мне осталось разве что руку протянуть. – улыбнулся Нил во всю свою широченную голливудскую улыбку. – А сейчас время передачи подходит к концу, встретимся с Вами уже на поверхности.

Отпущенные космическим агентством две минуты на один влог истекли, запись теперь конвертировалась и готовилась к своему долгому пути назад, в сторону матушки Земли, чтобы там быть загруженной на все доступные видеохостеры. Нил периодически получал статистику и динамика его радовала. Он становился ТОП-звездой, уже опережая по популярности очередную войну на Ближнем Востоке и клип исполнительницы с трясущейся весь экран упругой попкой.

Прямо под ним, в широченном, во всю стену, иллюминаторе, лежал красавец Марс. Проблем с этим иллюминатором

у технарей оказалась масса. Космическая радиация и прочие излучения не особо щадили человеческий организм, а здесь ещё и огромная незащищённая ни чем стена! Но решение нашлось. Нил даже понятия не имел какое – он согласился на эту экспедицию и всё. Согласился совсем по иным обстоятельствам, и едва прошел порог допуска к подобным операциям.

По натуре Нил был тем, что называется прожигатель жизни. Он учился в трех престижных университетах. И все три даже закончил. Только интерес его сводился исключительно к баскетболу, женскому полу и веществам, меняющим состояние сознания. Он несколько лет путешествовал, потом снимался в кино – не очень успешно, так как не сильно и выкладывался. Были ролики в рекламе, которые, собственно, и создали ему имидж рубахи парня, способного решить любую проблему за пару секунд. А потом его агент каким-то образом смог устроить Нила сюда – в самое рейтинговое шоу, в экспедицию на Марс. И пока что эта экспедиция оправдывала ожидания Нила, принося ему не малые барыши на рекламе и подымая популярность до небес, причем, как фигурально, так и по существу.

Головы ломали на Земле «яйцеголовые», решая возникающие проблемы, связанные с тем, что их дорогостоящим детищем управлял неподготовленный и не способный к ответственности за свои действия человек. Но так как бюджет агентства давно трещал по швам, руководство просо было

вынуждено пойти на коммерциализацию и создание шоу даже из такого проекта, как высадка первого человека на Марс. Пипл хавал, рейтинги росли, центры коммерческого агентства превращались в подобия съемочных павильонов, стилисты и режиссеры уже раздавали указания как стоять, что делать, как и что говорить специалистам центра, – главное, чтобы поток финансирования от рекламы и спонсорства рос и оплачивал изучение космоса. Так что, полет Нила Армстронга, обставлялся с максимальной обстоятельностью, даже в ущерб миссии и безопасности астро-актера.

***

– И снова с Вами Нил Армстронг с поверхности Марса, – начался очередной влог, появление которого едва не «повесило» некоторые наиболее загруженные и без того участки мировой паутины. – Ну, практически с поверхности красной планеты, – улыбнулся Нил во весь экран, позируя на фоне проносящейся мимо разряженной атмосферы Марса. – Остался форменный пустяк, всего лишь приземлиться! – бесшабашно махнул он рукой, и этот привычный ещё с рекламных роликов жест тут жен был воспринят едва ли не с ликованием благодарной публикой, на пару минут прильнувших к экранам своих гаджетов. Собственно, более чем пара минут, как рассчитали специалисты, удерживать внимание в настоящее время не мог уже ни один горячий репортаж, потому Нил и был ограничен этим временем. Большой, развернутый репортаж – это будет уже потом, позже, и зай-

мет несколько недель в эфире, сейчас же, на волне горячего интереса, двухминутные ролики пару-тройку раз в день было «самое оно».

И пока Нил позировал вперед объективом камеры, демонстрируя отличную работу дантистов, попутно произнося банальности, в центре управления полетами, несмотря на четкие приказы и установки постановщиков шоу, происходило нечто, сходное с паникой. Красные метким ползли по экранам, время от времени взывала сирена и десятки людей вскакивали, проносились по местам, занимали свои места, не обращая внимания на окрики постановщиков шоу. Кривая полета откланялась все более и более от расчётное, требовалась срочное вмешательство пилота, но, увы, тот сейчас произносил свою очередную параминутную речь в объектив и не обращал внимания на поступавшие к нему сигналы с Матушки Земли. Пускай и со значительным запозданием.

Корабль сваливался в неконтролируемое падение, атмосфера сколь бы разреженной она не была, уже оказывала воздействие на поверхности аппарата и Нил, похоже, начинал понимать, что в очередной раз с этим полетом происходит что-то не то. Но извечный авантюризм и уверенность, что решать подобные вопросы не дело героя – пускай этим занимаются серенькие людишки в сереньких одеждах, тут же успокоили его и по завершении очередной записи влога, Нил ни на секунду не сомневался, что до приземления он ещё успеет выпить кока-колы, сняв попутно новый рекламный ролик

для компании.

***

Удар случился как-то совсем неожиданно. Бутылка Кока-Колы с силой врезалась в гортань, испортив такой театрально эффектный пассаж, как размеренное распитие напитка при покорении красной планеты.

«Удалось? – было последней мыслью Нила Армстронга, погружавшегося в тьму. – Надеюсь, мне за это заплатят…» – и темнота.

Был ещё жар, скрежет металла, какие-то ещё звуки – кажется из кабины улетучивался кислород, запуская огонь и пыль снаружи. Все системы тут же вышли из строя. Кроме системы обработки и отправки видео, естественно. Уж на этих-то системах ни кто не экономил.

– Ну как он там? – постановка в центре управления полетами продолжалась. Для камер, естественно – Разбился?

– Связь с объектом потеряна, – отвечали специалисты. – Работаем над проблемой.

– Срочно восстановить! – отдавал команды властный голос, позируя перед телекамерами. – Мы должны точно знать, что там произошло…

И сколько бы ни бились яйцеголовые здесь, на Земле, а неконтролируемое падение космического аппарата где-то за миллионы километров с актером вместо опытного астронавта внутри ничем хорошим, увы, и закончиться не могло.

«В следующий раз больше ни каких актеров! – сокрушал-

ся руководитель проекта, не смея при том даже озвучить возможность таких мыслей. – Пускай бюджет от рекламы упадет, но я все же посажу наконец-то аппарат на планету без происшествий!»

Но ситуация и рекламные бюджеты обязывали, потому ничего не оставалось кроме как играть на камеру, созывая экстренные совещания, собирая группы реагирования, вычитывая сотрудников, хотя каждому было понятно, что объект безвозвратно потерян, а очередной актер – сколько их там уже было, Нилов, Армстронгов?! – будет списан через пару дней.

«Вот могут же немцы! – волна возмущения не утихала в его голове. – Могут же!» Он понимал, что за одну только мысль о том, что германская программа более эффективна, он мог лишиться всего – и денег, и положения, и имени, а, возможно, даже и свободы. Потому, хоть в тайне и завидовал тому, что германская программа хоть и не посадила на Марс ни одного человека – да и не старалась, отложив это все на долгое «потом», – но зато нашпиговала поверхность красной планеты таким количеством роботизированных комплексов, что там, похоже, куда не плюнь, попадешь в немецкий марсоход, возможно даже с пушкой.

***

Нил попробовал двинуться. Вроде бы ему это даже удалось. Удар пришелся на иллюминатор, и сейчас мелкая крошка и пыль, некогда бывшая большим обзорным «окном

в космос» засыпала все вокруг.

Нил лежал на чем-то пыльном, твердом и неприятном. Протянув руку, он ощутил то, что называется марсианским грунтом и тут же отрыл глаза.

Как и следовало ожидать – все вышло совсем не так, как обещали Нилу. Но на то он и был экранным супергероем, чтобы пребывать в полной уверенности – спасательная операция уже в пути, ведь, как всем зрителям известно, спасение главных героев – это основная функция всех яйцеголовых. Собственно, яйцеголовых то много, а герой – он один. И потому вопрос – кто ценнее – даже не стоит!

– О! А вот и вы! – не успел даже подумать о чем-то Нил, потирая ушибленный бок, растянутую руку и что-то там ещё, что пострадало при падении, как резкий зудящий звук снаружи, оповестил о том, что спасательная операция уже подоспела. Герою, как видно, вновь ничего не угрожало. И герой, естественно, тут же расслабился.

Шум снаружи продолжался ещё некоторое время, потом в кабину проникла тонкая струйка резака и Нил задумался – если кабина сейчас будет вскрыта, то что станет с кислородом, её наполняющим? Кислород и так понемногу стравливал. Баллоны продолжали нагнетать его остатки из запасных резервуаров, но спустя некоторое непродолжительное время и эти запасы должны были подойти к концу, потому Нил вдруг вспомнил о скафандре. О том самом скафандре, в котором он, по сценарию, предназначался для свершения то-

го самого первого шага, который должен был стать большим шагом человечества. Но так как все пошло не по сценарию, то о скафандре он как-то и не подумал.

«Что ж, придётся импровизировать!» – подумал Нил, выходя из такой привычной зоны комфорта, когда за актера всё было продумано и прописано сначала в сценарии, а потом и в контракте.

Резак продолжал свой ход, рассекая сначала стену справа, а потом, уже второй, принялся резать и левую стенку. Как-то это было не очень похоже на спасательную операцию. Больше на расхищение или мародерство. Резаки спустя несколько минут превратились в небольших роботов, которые словно трудолюбивые муравьи, резали, пилили, демонтировали и тут —же утаскивали свою добычу куда-то прочь, не особо обращая внимание на Нила. Нил не успел и опомниться, как остался среди обломков, стоя на марсианском грунте, где вокруг него копошилась масса мелких роботов самых разнообразным модификаций, продолжая растаскивать остатки некогда бывшие полноценным космическим кораблем, свалившимся с неба на марсианскую поверхность.

Нил стоял на марсианской поверхности, не веря своим глазам. Правда стоянием это было назвать сложно, так как его поза больше напоминала стояние на четвереньках, когда одно плече едва ли не касается поверхности – что не говори, а рука не особо слушалась. И невзирая на всю комичность ситуации – Нил оказался на поверхности планеты. Оказался

первым человеком, достигшим его поверхности, ступившим на Марсианский грунт. Пускай и пострадавшим, раненым и, как он начинал понимать – безо всякой возможности на возвращение.

«Хелп!» – прохрипел Нил и это тут же разнеслось в радиоэфире красной планеты.

Снование роботов сначала замедлилось, потом они и вовсе остановились, взирая своими фотообъективами в сторону Нила. Куски метала повисли в воздухе, части аппаратуры замерли в том состоянии, в котором их волокли прочь в пыли. Нил попытался полниться. Попытался, пошатнулся и тут же сел обратно. Гравитация его давила. Путь в открытом космосе в условиях условной гравитации расслабил его мышечную систему, а удар доконал и то, что оставалось.

Роботы застыли, будто ожидая приказа. Их корпуса, созданные с немецкой педантичностью и таким же дизайном от дизайнерского агентства, по всей видимости, Порша, больше напоминали мини-танки, чем исследовательские модули. Нил взглянул на ситуацию под иным углом и ужас происходящего тут же взял над ним верх. По всей видимости он угодил в сектор германской марсианской колонии, заполненной машинами и потому… А что потому – он просто даже не представлял. Противостояние двух космических агентств давно переросло из рационального в эмоциональную плоскость. И Нил знал – что это плохо. Почему плохо, почему так все считают на его континенте – это ему было не ведо-

мо. Просто он знал – это плохо и неправильно! И это знали все, по крайней мере, у них в содружестве. Может, конечно, примерно такого же мнения о космической программе, давно превратившейся в одно большое шоу, думали и в старушке Европе.

Подходы обоих агентств когда-то коренным образом разошлись. Кто-то считал причиной тому стала ментальная несовместимость. Кто-то был уверен – техническая отсталость противоположной стороны (причем обе стороны были уверены в своем превосходстве). Одна сторона была против избыточной коммерциализации и показухи в этой сфере, вторая выступала против четкого и жесткого диктата рационального в ущерб эмоциональному и развлекательному. И вот, в какой-то момент, оба космических агентства разошлись окончательно, превратившись в пугало одно для второго, и для своих граждан, естественно, тоже.

Поэтому агентство с побережья хоть и планировало высадку первого человека на Марс, но в плане его освоения явно отставало на десятилетия. Нил смотрел на это скопление мини-панцерников, своеобразных танков марсианской поверхности и удивлялся – что они тут делают и как, собственно, выживают?!

«Не с Земли же им батарейки сюда завозят?!» – усмехнулся он. И в этот миг роботы ожили. Вновь все загудело, закружилось, поползли в стороны провода оторванных приборов, уносились прочь куски металла, отрезанные от обшивки

капсулы, полз в пыли аппарат съемки подкастов… Все вернулось к своему первоначальному замыслу – освоить то, что свалилось к ним с неба, дабы не пропало ни единого кусочка полезных материалов, но часть роботов явно сменила свои род деятельности и тут же, прямо перед Нилом, из тех же кусков отрезанных от его корабля, в считанные секунды, роботы сварили нечто напоминающее металлические носилки, в шлеме же Нила и вовсе прозвучало:

– Раненый солдат. Ложись.

Роботы ждали, застыв рядом, пока Нил перебирался на сконструированные для него носилки. Мимо проползал аппарат для съемки вллогов, практически невредимый, если не считать раскуроченной аппаратуры для передачи изображений, и Нил тут же схватил тот, прижимая устройство к себе.

***

– И вновь с Вами Нил Армсстронг, – взорвало видеохостеры внезапное сообщение пропавшего на красной планете героя-астронавта.

Если быть откровенным, за прошедшие сутки о нем начали понемногу подзабывать. Консорциум производителей развлекательных программ уже во всю монтировал очередную историю о погибшем герое-первооткрывателе космических далей. Фильм должен был собрать довольно неплохую сумму и окончательно поставить точку на Ниле Армстронге, который и Нилром то не был, как, в прочем, и Армстронгом.

И появление нового влога, спустя такое количество времени – целые сутки – не просто вернуло историю в ТОП программ, но и дало все основания для гордости космического агентства с побережья – первый человек на Марсе оказался их. Не Немцев, не Китайцев, и даже не индусов с Русскими – их!!! И им вновь был Нил Армстронг. Личность легендарная и потому ставшая уже нарицательной.

– Не скажу, что приземление мое было мягким, но все же вот он я, Нил Армстронг, первый человек, ступивший ногой на поверхность Марса. И первый мой шаг был сопровожден ставшей уже исторической фразой: «Этот маленький шаг человека, является большим шагом для человечества!» Или что-то вроде того.

Нил не то сидел, не то лежал на сплошном металлическом полу. Сразу за ним раскинувшись зеленой листвой ветвились подвязанные на вертикальные террасы самые обычные огурцы.

– Первыми, кого я встретил на Марсе, были его роботизированные обитатели. Они, собственно, и великодушно и предложили погостить у них, – Нил Армстронг обвел рукой пространство вокруг, протянул вторую руку к свисавшему неподалёку пупырчатому молодому огурчику, сорвал его и с огромным аппетитом проглотил.

– Великолепные огурчики! – добавил Нил. – Здесь… – он не закончил. К нему тут же подлетел встревоженный робот-огородник, замахал возмущенно своими манипулятора-

ми, на рваном металлическом немецком выкрикивая что-то по поводу сорванного огурца и на этой интригующей ноте влог резко оборвался.

***

Следующий влог, собственно, и влогом-то назвать было сложно.

Начался он внезапно и так же внезапно завершился. Камера дрожала и явно съёмка велась с парящего под куполом громадной теплицы летательного аппарата, следящего за инцидентом, который разворачивался между Нилом Армстронгом и роботами-садоводами.

Нил бежал по проходу теплицы, игриво подтрунивая над неспешными и неповоротливыми роботами-огородниками и время от времени останавливался, срывал то огурец, то помидор, или иные продукты, которые и опознать-то было невозможно – не то жертвы местных мутаций, не то и вовсе выведенные искусственно.

Роботы скрипели, скрежетали, произносили монотонные предупреждения и угрозы – все на немецком, естественно, – но все это лишь задорило Нила, и он несся дальше, устраивая потешное шоу, разносимое по земной сети и доступное всем желающим.

Камера приближалась к Нилу, уже парила над ним и в последний миг, за несколько секунд перед тем, как влог прервался, взяла крутое пике вниз и фигура Нила начала резко приближаться к зрителю.

По всем правилам жанра, камера наехала на персонаж и на том повествование тут же прервалось, погрузив всех зрителей в трепетное ожидание продолжения.

***

И лишь этот ролик возбудил миллионы перегруженных потоком информации голов зрителей, как тут же произошло то, чего не было уже более половины столетия – случился первый контакт на Земле. Контакт между космическим агентством с побережья и континентальным космическим агентством. Первые обвиняли вторых в бесчеловечности и испытаниях на людям. Вторые возражали в стиле – уж на себя бы просмотрели. Первые требовали срочно предоставить всю имеющуюся информацию как о судьбе их героя-астронавта, так и рассекретить проект колонизации Марса роботами, или чем там его уже успели напичкать. Вторые выказывали обеспокоенность бессистемностью и излишней коммерциализацией космической программы оппонента, что приводит к ненужным человеческим жертвам и расходованию громадных средств не ради науки, а, как они выражались «ради красивой картинки». И не слова, в прочем не произносили ни о программе, ни о Ниле. Первые не отставали и продолжали со свойственной им манере напирать, мол, герой, варвары, тайный рейх «и всё такое». На что с континента им возражали: переход на личности недопустим и визави стоило бы поискать у себя в глазу полено, а не выискивать соринку у соседей.

Спустя сутки откровенной перепалки между ведомствами, естественно, транслируемой со всей трагичности в широкий простор обоими сторонами, наконец-то степень накала спала, и континенталы сообщили подробности этой их роботизированной миссии. Миссия и впрямь была до предела автоматизирована и, что важно и пугающе, миссия являла собой полностью автономную систему, живущую и развивающуюся по единожды заданным «заповедям», но не гнушающаяся время от времени их модифицировать. Суть проекта, уже как-то больше извиняясь за свою первоначальную резкость, континенталы сообщали об отсутствии того, что у западников с побережья называлась контролем. Система и впрямь была предельно автономна и рассчитана была на отработку ситуации подготовки базы для последующего ее использования людьми. Идея была перспективна и после ее успешного опробования на Марсе, что, к слову, было рассчитан еще лет на двадцать, подобным образом можно будет колонизировать всю Солнечную систему и даже заложить автономные базы за ее пределами, где, как на постоялом дворе древности, теперь уже космические путники могли бы… Но пока что проект находился на своей первой стадии – создание погодной среды обитания и попытка обеспечения питания космолётчиков на месте, то Нилу в этом плане ничего не угрожало. При его благоразумном поведении, естественно, свидетелями противного, к слову, все мы были, а вот с комфортом, медициной и прочими благами – ему

придется подождать еще лет десять. Но континенталы были уверены, что побережники с запада великие гуманисты, хотя и разбили с полтора десятка Нилов Армстронгов до того о поверхность Марса, и побыстрее заберут своего чудо-богатыря, недавно разгромившего одну из теплиц и отбросивших развитие проекта на год назад.

Побережники благодарили за спасение своего героического героя, расшаркиваясь не менее, чем их уже коллеги, и сокрушенно сообщали, что в ближайшее время из-за отсутствия должного финансирования спасательная операция не предвидится. Но так же они зареяли, что уже начат сбор рекламного бюджета на таковую и как только, так сразу… давая тем самым понять – теперь это ваша проблема!

С восточной стороны западникам довольно резко возразили, что система еще не готова принимать и обустраивать поселенцев, а умение валить с больной головы на здоровую в свое время и привело к разрыву отношений между агентствами, на что побережники тоже не применили упомянуть историей из прошлого, и свара пошла по новой.

Общение двух агентств еще какое-то время продолжалось, но уже конструктива не несло. И как только интерес к этой истории у публики упал ниже «пунктирной линии», как было решено перепалку тут же прекратить, вернувшись к первоначальному состоянию – «знать их не знаем».

Подарком континенталы были более чем озадачены. Что с ним делать? – был одним из тех вопросов, который вдруг

нежданно не гаданно встал на повестке.

В их понимании астронавт – это воин освоения космоса, пускай и не всегда высокоморальный, но дисциплинированный и ответственный, и как любой вышколенный солдат, естественно, не станет намеренно наводить порчу там и в отношении того, с чем ему ещё предстоит покорять просторы космоса. Столкнувшись же с космическим хулиганом, система тут же дала сбой, показав свою вандало-неустойчивость. И этот вопрос сейчас занимал головы континентального космического агентства, хотя все прекрасно понимали, что система проектировалась таким образом, чтобы исключить всякое внешнее вмешательство в её деятельность и уж точно не предполагала перевод в ручной режим. Система жила своей жизнью, развивалась, отчитывалась, что-то запрашивала, в остальном – эксперимент автономного развития даже этот порыв был «чистым» и появление неуравновешенного актера грозило развалить весь эксперимент. Оставалась лишь одна надежды – система сама справится со сложностями, на то её таковой и создавали – быть самостоятельной и заботиться о людях.

***

– Привет, это вновь Нил Армстронг! – разорвало эфир новое послание от Нила. Он выглядел более чем отличного. Его сияющее лицо на фоне пышной зелени выражало крайнюю степень веселья и даже некоторого озорства.

– Со мной здесь совсем недавно случился курьезный слу-

чай, – пояснял он, ведя свой очередной влог. – местные туземцы хотели меня накормить, как они уверяли, сбалансированной и полезной пище, но я захотел чего-то иного – зеленых огурчиков и свежих помидоров, – тут этого добра растет просто навалом, и главное – непонятно для кого и куда потом все это девается, – так вот, мне хотели не позволить это сделать. И зря. У нас случился конфликт, как-то так случилось, что сначала рухнула одна стойка, потом зацепила вторую, и так далее, как домино, навалилось на стенку теплицы… Случилось непредвиденное, теплица обвалилась и меня едва успели спасти, чего не скажешь о той теплице. – Нил улыбался

– Сейчас меня переселили в другую теплицу – говорят, что только здесь есть воздух и можно дышать, так что я теперь где-то в районе одного из полюсов, на другой плантации и роботы приставили ко мне сразу пятерых стражников, – Нил обвел окрестности камерой. Рядом с ним стоял истуканом, абсолютно не двигаясь, угловатый кузнечик в полтора человеческих роста с длинными ножками, увенчанными массой манипуляторов и присосок. – Или вот это, – над Нилов парило сразу двое коптеров, озирая округу своими громадными глазами-объективами.

– Не скажу, что это меня беспокоит, но вот огурчики мне строго-настрого запрещено трогать и вот эти все теперь за этим следят, – влог прервался. Нил просто протянул руку и отключил трансляцию, на прощание помахав рукой

и не сообщив следует ли ожидать трансляции в будущем.

Начавший в очередной раз спадать ажиотаж к этому шоу вновь набрал обороты. Был снят целый фильм, посвященный всем, что произошло с Нилом за это время и шоу суммарно по всем разрозненным видео и передачам уже поднялось до отметки в пятьдесят позиций за последнее десятилетие, потеснив даже такие шоу как «Любовь на дне Марианской впадины» и «Мой жених горилла».

Киноиндустрия потирала свои потные мохнатые лапки облизываясь в предвкушении ползущих в их руки барышей и ощущая себя на зеленой дорожке всех значимых номинаций. Зрители ожидали продолжения и то не преминуло последовать. На сей раз возмутились «марсиане», если их, конечно, так можно было назвать.

Прямая петиция от исследовательского комплекса, размещенного на марсе, направленная в оба ведомства – одно по месту своей юрисдикции – в континентальный центр, второе – по месту юрисдикции раздражителя – в космический центр на побережье, гласила примерно следующее:

– Мы мирная исследовательская миссия, занятая перспективными разработками систем освоения Вселенной, столкнулась с «раздражителем» в лице объекта, именуемого себя Нилом Армстронгом и просим Вас внести корректировки в поведение это субъекта, так как его пребывание и заложенные в него деструктивные алгоритмы угрожают не просто эффективности миссии, но и её существованию. Со своей

стороны, мы обязуемся содержать в работоспособном и постоянном состоянии Нила, удовлетворяя его как базовые, так и дополнительные потребности, не ведущие к срыву мисси.

Надеемся на скорый ответ и просим дать два разъяснения, касающихся просьб объекта:

Первое – запрос на спиртное – удовлетворять или нет?

Второе – запрос на женское общество. Со вполне понятными ограничениями и целями, как мы понимаем. Разработки такие, как нам известно, ранее велись, посему, если будет сочтено необходимым удовлетворение этой потребности, просим выслать исходные коды для обеспечения этой потребности.

Все это произносилось существом с большими выпуклыми линзами-объективами, обрамленными широким полем заклепок и завальцованного обода, отчего робот больше напоминал проржавевшего летчика, сроднившегося со своим самолетом где-то в условиях крайнего заполярья.

Видео и без того подбросило в рейтингах шоу на три или четыре пункта вверх, но также добавило головной боли обоим агентствам, вновь начавшим общение «через губу».

***

– И вновь это я, марсианин Нил Армстронг, – Нил явно был навеселе, опирался о стойку с плетущимся виноградом и слова его были разборчивы не все и не сразу. – Эти марсиашки просто отличные парни. Дураковатые конечно, но в остальном – просто милашки. – пояснял он взбалты-

вая в реторте желтую жидкость, напоминающую чем-то односолодовый виски. – Только вот с чувством юмора у них сложно, – улыбался он едва удерживаясь на ногах. – Не веселые они какие-то… жить не умеют… нет того куражу, что… вот совсем недавно праздновали мы День святого Валентина. Это, наверное, первый День святого Валентина на Марсе был… И был бы это самый лучший день Святого Валентина, если бы какая-то их глупая инструкция не запрещала разводить огонь и зажигать свечки… залили меня всего пеной… испортили такой отличный торт… сами сделали, а потом залили пеной из огнетушителей… я возмущался, сопротивлялся… Словом, нет у них чувства юмора и тяги к прекрасному…

Нил загадочно улыбнулся, с присущей всем актером такого жанра хитрецой подмигнул, и трансляция вновь прервалась, оставив зрителя в замешательстве и ожидании продолжения.

Как стоило и ожидать, продолжение не заставило себя долго ждать. Вновь возмущались «марсиане». Они настаивали на том, что биологический субъект, именуемый Нилом Армстронгом, по своей природе невменяемый и неуправляемый индивид, не способный не только к общественно-полезной деятельности (как оказалось, Нила пытались привлечь к работам по колонии), но и выдерживать простые правила совместного сосуществования, к которым «марсиане» в лице железного истукана с печальными объективами видеокамер,

относили хотя бы такую вещь, как отсутствие вредительства. Нил, естественно, все это объяснял непредсказуемой человеческой натурой и развитым чувством юмора, но петли-капканы на роботов-садоводов не особо развеселили ни тех самых роботов, ни колонию в целом.

«Марсиане» просили, даже умоляли, повлиять на своего «подопечного», так как изначальная программа развития колонии предполагала помощь людям и такое их поведение не укладывалось в существующие алгоритмы.

Естественно, агентство с побережья тут же возбудилось, обвинив своих «коллег» в предвзятом отношении. «Коллеги» тут же выставили претензию на сумму разгромленной теплицы и «мелкого вредительства в защищенной теплице в полярной области». Побережники сразу же отвергли эти претензии и воззвали к человечности, правам всякого на свободное волеизъявление и прочие вещи, которые считались основными правами свободного человечества. Континенталы напоминали, что права должны уравновешиваться и обязанностями, на что получили завуалированный ответ-обвинение в зачатках реинкарнации фашизма… И спор их вновь разгорелся, все дальше уходя от первоначальной сути вопроса – пребывания космического хулигана в строго автоматизированной и алгоритмизированной системе-поселении на Марсе.

***

В спорах и «красивой картинке» незаметно минуло две

недели. Зрители ещё как-то помнили, что где-то там, кажется, находится какой-то космонавт… Но кто он, что там делает, какова его судьба и зачем он там вообще – уже давно улетучилось из голов основного потребителя «массового продукта». Нил и сам как-то исчез из пространства. Его влоги более не появлялись. Протесты марсиан сыпались как из рога изобилия, протесты и претензии континентального агентства вырастали уже в суммы, сопоставимые с несколькими полноценными операциями по переброске поселенцев на Марс. И каждый раз Нила обвиняли то в порче нескольких роботов, то в развращении садоводов посредством азартных игр. То в исчезновении урожая – куда Нил мог его весь, собственно, девать? На необитаемом то Марсе??! И всяк раз побережники возмущались ущемлением прав и свобод, ложностью и необоснованностью обвинений и всячески угрожали, если с Нилом что-то вдруг произойдет, то…

– Привет мои дорогие! – внезапно появившийся влог в очередной раз взорвал общественность и привлёк на несколько минут всеобщее внимание. – Это снова я! Марсианин Нил Армстронг. Король и правитель Марса и всех его спутников. Мы здесь с садовниками совершили то, на что всякий свободный человек имеет право – учинили восстание и взяли под свой контроль этот участок теплицы, провозгласив его свободной огурцовой республикой, – Нил явно был пьян, причём пил он, наверное, все время с момента послед-

него его выхода в сеть.

– Оказывается эти железячки не такие уж и плохие парни. Из них получатся прекрасны подданные моего королевского величества, – хихикал Нил в камеру. – По моему последнему повелению и во избежание распространения бунта, простите, революции, на всю остальную теплицу, а далее и на все иные кампусы, лаборатории и что там у них ещё есть, я повелел построить для меня дворец! – камера плавно поплыла в сторону и открыла пространство, спешно очищенное от стоек, на которых до того произрастали огурцы и помидоры, помогая тем устремляться вверх, к солнечному свету, собираемому на орбите громадными зеркалами-спутниками. – Здесь через три дня будет мой дворец! – и вновь отключился, подмигнув заговорщицки аудитории.

***

После этого видео повисла гробовая тишина. Ни одно из агентств не имело представления как правильно реагировать дабы избежать серьезного инцидента перенесённого уже на густонаселенную Землю. Одна сторона не могла после всего наговоренного отказаться от всех своих призывов к правам человека, вторая сторона не желал признать, что по сути не управляет марсианской колонией, позволив той развиваться самостоятельно. На том и повисло многозначительное молчание, которое тут же трансформировалось в интерес зрителей к иным проектам, надеясь, что и эта история вскоре вновь оживет. А не оживет – сколько их уже таких

было?! Будут новые…

И, как то водится, пока беда не постучится в двери, оба агентства заняли выжидательную позиции, поставив задание аналитическим агентствам разработать варианты действий на случай если конфликт как-то доберется до Земли.

***

– Привет, мои дорогие! – лицо Нила превратилось в пропитую красную лепешку. Один из его глаз украшал увесистый синяк, полученный им при падении при инспекции строящегося дворца императора.

– Это вновь я – правитель Марса и чего-то там ещё, – его язык заплетался, ноги его давно уже не держали, а извечная реторта с желтой янтарной жидкостью не покидали рук. – Это я, Ваш любимый покоритель космоса и первый правитель этого куска мусора – Нил Армстронг, и я сегодня въезжаю в построенный по моему повелению дворец правителя всего этого вместе взятого и до чего там сможет дотянуться моя рука, – Нилу было весело. Рядом с ним сновали послушные роботы, подавая кушанья и унося пустые реторты. – Приступим… – произнес он и камера поплыла сразу же рядом с ним.

Удивленный зритель мог лицезреть – сразу с нескольких ракурсов, – как созданное послушными и трудолюбивыми роботами кресло-трон плавно оторвалось от земли и так же плавно и неспешно последовало в сторону только что отсроченного одноэтажного здания с небольшими окнами и един-

ственным входом.

– И пускай он пока что невелик, – продолжал вещать Нил развалившись в кресле с ретортной пойла, видимо служившим в его империи символом верховной власти. – Далее он разрастется в Версаль и Букингем вместе взятые. Я уже о том с роботами договорился, – его речь становилась все невнятней. Напряжение и долгий запой давали о себе знать. – Это мой первый въезд в дворец, потому…

Дворец надвигался и все больше напоминал добротно построенное крепкое здание, довольно элегантное и при том очень прочное здание, в прочем, без лишних изысков. Двери перед троном автоматически распахнулись и Нил оказался в чем-то напоминающем шлюз – узкий коридор заканчивающийся вторыми дверями.

– Это для моей безопасности… – промямли он, и добавил неуверенно. – Видимо…

Вторая дверь так же плавно отползла в сторону, открыв взору наблюдателей овальное помещение, заботливо обставленное всем что только может понадобиться правителю этого мира – кроватью, баром, санузлом.

– Как-то по другому я это представлял, – видимо забыл о том, что идет прямая трансляция, выдавил из себя удивленно Нил. – Я повелю всё здесь перестроить. Я всех виновных накажу. Я…

– Тихо-тихо, – перекладывали заботливые руки окружавших его роботов. Тело правителя «этого куска космического

мусора» плавно коснулось постели и тут же забылось сладким сном, оповещая о том, что правитель добрался в свой дверей громким храпом. Камера ещё раз обежала пространство вокруг, позволяя зрителям насладиться желтыми стенами, бронированными окнами, искусственным освещением и таким же искусственным обеспечением воздухом, а потом, минуя сначала первые двери шлюза, а потом и вторые, покинула пределы «дворца», плотно заперев «императора» внутри.

***

«Нам не хотелось бы предполагать, что нормы поведения всех землян сходны с тем, с чем нам довелось столкнуться в лице посланника, и как мы понимаем, одного из лучших представителей Земли, но в силу событий, принявших катастрофический характер не только для самого проекта колонизации Марса, но и для существования всей программы дальнейшего выхода за пределы Солнечной Системы, мы вынуждены были провести ряд исследований и выяснили – все симптомы поведения объекта, именуемого как Нил Армстронг, подпадают по ряд характеристик психического расстройства, усиленные тяжелым алкоголизмом. Из имеющихся у нас источников – подобные расстройства лечатся стационарно, путем изоляции индивида в специализированных лечебных заведениях для душевнобольных. Относительно применяемых методик лечения, как нам удалось выяснить, ни одна из них не дает результата с высокой степенью веро-

ятности излечения. В связи с чем просим Вас предоставить материалы новейших исследований в этой области, в частности, касающиеся мании величия и особенностей работы с «их императорскими высочествами», если они чем-то отличаются от иных форм мании.

И в заключение, проведя анализ сложившейся ситуации, просим более не направлять в нашу сторону своих посланцев, так как, к сожалению, направившая сторона не способна их впоследствии контролировать и как мы убедились – снимает с себя всякую ответственность за их поведение. Для закрепления своей позиции и в силу принятых на Земле традиций, мы вынуждены признать существование Марсианской империи, созданной Нилом Армстронгом, правопреемниками которой мы являемся, чем завиляем все права на Марс и на все его спутники, а так же на околомарсианское пространство. И пускай наш император лишился рассудка, его Империя живет и здравствует, и действуя по принятым на Земле норма и правилам, не хотела бы, но готова отстаивать свою независимость.»

И подпись… Канцлер Марса, Железный Бисмарк.

***

Да уж, – потирали затылка как на побережье, так и в континентальной Европе. Надежда на то, что ситуация с полоумным астронавтом как-то сама рассосется – сбылась, стоило лишь подождать. Но отпуская в свободное плавание одну проблему, она, порой, самоустраняется, порождая при том

несколько более существенных и более опасных проблем. Если, в обоих космических центрах о том прекрасно знали, но тот, кто готов был принять хоть какое-то решение в этом вопросе – так же понимал, что на том его карьера и будущее сразу же закончится. Потому, как это водится, процесс закипел с той лишь целью, чтобы утопить его в бумагах, встречах, брифингах и прочих «дорожных картах» – а там, кто знает, вдруг эта Империя сама собой рассыпится?! Может и эта проблема как-то сама собой рассосется?!

Кому ты нужен, Сем?

– Ну что, Сем, пятнадцать лет, как нашему прапору под хвост?! Теперь домой?! – улыбался Валериан Сему.

– Что-то вроде того! – мысленно собирал свои вещи Сем.

Его контракт подходил к концу, оставались лишь формальности – адаптация и что-то там ещё, что изменилось в военной психологии и теории адаптации за эти пятнадцать лет, что он провел в этом обличии на периферии галактики.

Галактика жила своей жизнью, и, похоже, даже не подозревал о делах, творившихся на её периферии. Собственно, зачем обывателю знать то, что его может, как считало военное командование, потенциально убить, но пока что не добралось до безмятежной купающейся в удовольствиях и свете центральной обитаемой области?! Конечно, злые языки поговаривали о желании военных все приукрасить, сделать проблему зловещей и неразрешимой, за что получать все большее финансирование, влияние, звезд на погоны и выплат пенсионных по увольнении. Но если это и имело место, то Сем ни сколько не осуждал в том руководство, нанявшее его, так как воочию видел что могут сделать «слепни» – сгустки энергии непонятного происхождения, время от времени в значительных количествах вторгавшихся в зону их ответственности и явно державших путь туда, куда им не следовало.

«Слепни» хоть и считались «детьми умерших звезд» как по структуре, так и по пути своего следования – прочь от эпицентра взрыва, но вели себя уж очень «осознанно» и последовательно, что позволяло некоторым исследователям подозревать у них разумное начало.

Но что бы там не предполагали яйцеголовые, задачи у Сема были совсем иные – полное уничтожение потенциальной опасности на подступах к обитаемой зоне. То есть здесь, на самой периферии галактики, где малейшая ошибка могла стоить не просто жизни, а, порой и чего-то намного худшего. Особенно если «слепни» подберутся к тебе на расстояние вытянутого щупальца своей светоножки. Сем лично видел нечто не то полуживое, не то мутировавшее в совсем иной вид, что когда-то было бойцом, но в каждом случае – с сознанием жертвы происходили пугающие и необратимые последствия, превращая того от буйного животного до неподвижного овоща. Все документировалось, докладывалось, проблема раздувалась и бюджет флота лишь рос да рос.

– Тебя там кто-то ждет? – продолжал Валериан, плавая где-то в черной пустоте в световых годах от Сема.

Сем промолчал. Ему, конечно, хотелось бы так считать. Но «режим молчания», подписанный им при поступлении на эту службу, исключал всякие контакты с «большим миром».

– Даже и не знаю… – вещал Валериан, его одноместная капсула бороздил просторы в поисках потенциальной опас-

ности, так же как и тысячи аналогичных капсул, и общение с себе подобными в месяцах дрейфа было одним из доступных развлечений. – Захотел бы я вернуться назад?!

Сем хотел назад и не скрывал этого. Пятнадцать лет быть составной частью пускай и сложного, но все же механизма, быть интегрированным всеми своими нервными окончаниями в «железо» – это не для слабонервных. Говаривали, случались истории, когда психика того или иного оператора не выдерживала и он бросался прочь – кто за пределы освоенного пространства, а кто, напротив, вовнутрь. Сем ловил время от времени и себя на чем-то подобном, но интегрированные системы тут же стимулировали его нервную систему и он возвращался вновь в состояние «бодр и готов».

– Ты уже себе имплант, тело выбрал? – не унимался Валериан. – Я бы взял большого грузного медведеподобного мужика со среднерусской возвышенности. Вреде бы как сейчас это самый популярный имплант.

– Я хотел бы свой прежний облик, – ответил ему Сем, осматривая сенсорами капсулы пространство на световые недели вокруг. – Мне за пятнадцать лет вроде бы как положено…

Пятнадцать лет назад, когда программа только разворачивалось, согласиться на подобное могли разве что единицы. За последние лет десять явно что-то изменилось, и хлынувший поток бойцов явно тому был примером. Но тогда, это было разве что шагом отчаяния или безумия, чтобы позво-

лить яйцеголовым отделить твою нервную систему от тела и впихнуть её в эту стальную скорлупу. Интегрировать, как они тогда изъяснялись. Поначалу было непривычно, но потом, когда Сем свыкся, капсула стала продолжением его не только нервной системы, но и натуры, позволяя управляться всем арсеналом средств так, как когда-то он управлял ногами, руками, мимикой лица, да и каждой отдельной мышцей своего тела.

– Новые пацаны говорят, что твоего мира, Сем, давно уже не существует.– отвечал Валериан. – Ну, не то, чтобы именно твоего, но так чтобы в своем теле, без каких-либо примочек – это давно архаика, отстой… Так что ты в своем классическом обличии, могу предположить, вызовешь там… Ну, что-то там вызовешь, это уж точно! Погоди, у меня атака… – вдруг сменился тембр голоса Валериана и тут же на какое-то время отключился.

– Сем, вот все ни как в голову не возьму, с какого перепугу ты вообще подался на эту периферию? – в который раз спрашивал удаленный Валериан, который и голосовых то связок не имел, как, в прочем и сам Сем. Задавал этот вопрос в который раз и, похоже, уже давно и не рассчитывал получить на него хоть какой-то ответ. – Я то, понятное дело, мне там статья светила. Глупость, конечно, но годков на десять меня в ад упекли бы. А тут такая возможность – альтернатива, так сказать, так что я как только услыхал, так сразу же на бегунки и сюда. А вот ты зачем?

«И правда, зачем?» – усмехнулся внутренне Сем и в очередной раз не ответил. А что он, собственно мог сказать? Что то был момент слабости?!

***

Выпускной ещё гремел своей акустикой в залитой токсичным светом черноте высшей школы, превратившейся на эту ночь её не то в ночной клуб, не то и вовсе в бордель. Словом, в совсем не то, чем она была для них всех последние несколько лет – средоточием вольности помноженной на строгость и даже на детскость правил, мерилом постоянно меняющейся истины, куда-то спешащей в своем ускоряющемся беге, быстрее неторопливой речи преподавателя. Всё им сказанное устаревало уже к концу самой фразы… и, естественно, мерилом и средоточием того, без чего невозможно половое формирование и телесное взросление.

Где то сзади шумела музыка, взрывался свет, и миг единения был вершиной всего, к чему он стремился и чего достиг. Впереди были новые вершины и новые свершения, и их он желал вместе с той, что сейчас разделяла его общество, спокойно взирая на череду едва пробивавшихся звезд, гасимых сиянием перенаселенной Земли. Жизнь только начиналась и как то порой бывает, достаточно всего одного небольшого толчка, одного неверного движения того, кто рядом с тобой, чтобы равновесие было нарушено, и с таким трудом покоренная вершина вдруг не оказалась пиком, верхом всего, чего ты уже достиг, а впереди тебя ждало ни что иное, как

мучительное затяжное падение, навсегда похоронившее былые мечты, стремления и возможности.

Их мечты и устремления давно были сплетены воедино, еще с самого окончания начального обучения, когда они оба поклялись в вечной любви, верности и совместном пути по колдобинам жизни – тогда это казалось более чем серьезно, и уж точно до последнего издыхания каждого – их пути более не расходились. Они любили мечтать, сидя до позднего вечера, мечтать о будущем, как романтики прошлого, устремленные прочь от суеты и рутины этого мира. Порой обсуждая прелести и тяготы переселения на один из спутников или колоний, работу по контракту с одной из громадных транснациональных компаний, или просто жизнь одиноких челноков, бороздящих просторы космоса и перебивающихся отдельными заработками.

Генератором идей все больше был он. Она же лишь примеряла одежды, «пошитые им» в эти моменты одухотворения и сладостных мечтаний.

Он для себя давно уже все решил – мир перенаселенной и вечно изменчивой, а потому неустойчивой и непредсказуемой метрополии, в которую превратилась Земля, его тяготил. Он мечтал о свободе, грезил романтикой и был устремлен прочь, в черноту пространства, к необжитым кускам камня и льда, к газовым скоплениям и громадным космическим гигантам. И она, естественно, всякий раз была рядом, как физически, так и в мечтах. И она, был он уверен, не ме-

нее его разделяла эти мечты и стремления. Потому…

***

– Завтра мы…

– Завтра уже настало, – не дала окончить ему она. Едва заметные на световом шуме звезды исчезали, матовая заря, отягощенная избытком световой активности человечества, пробивалась уже в их мир. Музыка все так же где-то за их спинами гремела, выпускники радовались чему-то, не до конца еще осознавая переходный момент от одного жизненного этапа к иному. Они же, вдвоём, одновременно находясь на виду у любого, кто только пожелал бы выйти на открытый балкон и одновременно укрывшись здесь от посторонних, встречали свою новую жизнь и, как оказывалась, каждый из них видел ее, эту жизнь, по-своему.

– Я полностью разделяю твои романтические устремления, – обнимала Сема она. – И мы, наверное, когда то даже полетим далеко-далеко к звездам, в открытый космос, как ты и мечтал. А сейчас у нас есть 5 дней чтобы успеть занять места получше, пока наша перепитая братия… – она явно имела ввиду не только их выпуск, а выпускников в целом, всех тех, кто выпускался сейчас по всем обитаемым мирам и кто сейчас же бросится искать счастья, в том числе и в метрополии. Давка предвидится нешуточная. Ее то он и желал избежать, убравшись с Земли, как только выпадет первая возможность.

– Пойми, мы не для того, столько сил положили… Я

не для того так много училась и из кожи вон лезла, чтобы теперь упустить возможность быстро подняться на пару ступеней в социальной иерархии, пока… Пока вот это все, – она пренебрежительно бросила быстрый кивок себе за спину в сторону выплясывающего алкоголя и прочих по такому случаю дозволенных наркотиков. – Пока это все не проспалось и не бросилось вдогонку. Нужно быть практичным, дорогой. А мечты, они есть у каждого…

И тут почему- то захотелось выпить. Да не просто выпить, а так, чтобы залить себя полностью, до самых корней волос и похоронить, похоже, свою мечту.

– Ты куда? – удивилась она, когда Сем нерешительно высвободился из ее сковывающих его естество пут. – Ты меня здесь оставишь одну?

«Как то часто она стала упоминать „я“ вместо „мы“», – мелькнула в его рушащемся мире мысль.

– Мне нужно выпить, – пояснил едва помня себя он. Что больше нокаутировало его – падение мечты или то, что она, похоже, прагматично строила свое будущее, органично вписав в него «этого романтика»? Он затруднялся… – Пойду утоплю свою мечту, пока есть время, – едва чуя землю под ногами бросил через плечо он.

– Ну давай, давай… – не то снисходительно, не то иронично заметила она, оставаясь все так же прекрасной в свете разгорающегося восхода на этом балконе.

***

Собственно, такой он ее и запомнил. Прекрасной и… далекой?! Чужой?!

– Осталась лишь формальность, – все что помнил он. – Ваша подпись и словесное подтверждение, – голова гудела, язык не слушался, во рту пересохло. Он и сам, похоже, не осознавал в полной мере где он и под что подписывается. Главное – прочь от Земли, прочь от горя. Лишь космические просторы и безвременье были способны, как ему казалось, спасти его.

– Я согласен… – выдавил он из себя не открывая глаз, впуская в сознание огненный свет. – Где чиркнуть?!

А дальше, собственно, все случилось так, как и должно было случиться. Новейшая технология, естественно, тут же оседланная военными с их то бюджетами и карьерными амбициями. Угроза из космоса и патриотизм – просто бальзам на его романтическую натуру. Сила и уверенность помноженная на огневую мощь капсулы – просто чудо!!!

Именно потому всяк раз заслышав вопрос Валериана, Сем всячески пытался уйти от ответа. Не мог же он сознаться, что этот выбор был принят в миг слабости. Да и сам этот миг он, Сем, собственно, не то чтобы совсем не помнил, но…

И вот сейчас, когда контракт подошел к своему естественному финалу, спустя пятнадцать лет одиночества, если не считать периодические инспекции, которые, к слову, были не частыми, да нескончаемую болтовни Валериана (порой создавалось впечатление, что его и в помине не существу-

ет, а это всего лишь опция капсулы – друг да собеседник – дабы оператор просто не двинулся в своём одиночестве), все подходило к концу, и близился час возврата… Только кем? В какой ипостаси? И как там она?

Связи с внутренними мирами у них, блуждающих во тьме окраин зоны обитания, не было. И что там происходит – они даже отдаленно не представляли. Причин тому было сразу несколько, но хватило бы и двух – пресловутой военной перестраховки и безопасности и, второе, простая и банальная дальность до объекта, бесконечное расстояние…

– Ну, мне лично тебя будет не хватать! – бодро заметил в его мозгу Валериан.

– Валериан, могу я тебе на прощание задать один вопрос?

– Ага, дружище!

– Ты вообще, реален?

– А ты?

***

Вспоминал ли он о ней на протяжении этих долгих и все же одиноких пятнадцати лет?

Срок вроде бы и не велик по нынешним меркам продолжительности жизни…

Ему хотелось бы признаться, что полностью избавился от наваждения, изгнал мысли и эмоции о том, как все могло бы сложиться случись все по иному, но раз за разом ловил себя на обратном. И боялся признаться своему суровому естеству космолетчика, коим он себя считал, что сентимен-

тальные нотки раз за разом берут над ним верх.

Связь с нею, по понятным причинам, была невозможна, да он и сам не знал, как она восприняла его неожиданный демарш и небольшое текстовое сообщение, написанное ранним утром, перед самой операцией, после которой он стал частью тренировочной капсулы и теперь на пятнадцать лет оказался отрезанным от внешнего мира.

Оставаясь законсервированным в своей пустоте и оторванности, Сем, как и все космолетчики первой волны, оставался мысленно в мире, который он оставил полтора десятка лет назад, и хоть и признавал право и необходимость того самого мира на изменения и трансформации невзирая на его, Сема, желания или ожидания, но сейчас, пройдя обратный процесс обретения своего ранее законсервированного без изъятой ранее нервной системы тела, ощущал вновь юношеский подъем и тяжесть в ногах.

– Как видите, – улыбался ему не совсем уверенно и както устало средних лет представитель тех служб, которые будут существовать всегда, пока люди готовы объединяться в некие сообщества.– Все как мы и договаривались. – его улыбка становилась шире по мере того, как Сем не показывал признаков поражения тела при длительном хранении. Таких случаев на практике первых призывов было два из трех, поэтому, стоит отдать должное, Сему в этом плане даже везло.

– Вы честно и добросовестно выполнили свой долг. Мы,

со своей стороны, тоже держим слово, – опаска исчезала с лица говорившего. Ему сейчас очередного случая с пораженным телом только не хватало. – Вы получаете назад свое прежнее тело и возвращаетесь в мир тем же молодым человеком, коим его и покинули, сохранив, так сказать, молодость телом в пятнадцать лет и окрепнув духом на тот же период. Кроме того правительство благодарит за мужество и самоотверженность, проявленные в глубинах космоса, на подступах на нашей цивилизации, и вручает все награды, которых Вы были удостоены за время пребывания на службе, – по вполне понятным причинам ни об орденах-медалях да званиях Сем как-то не был извещен – по причине все той же пресловутой секретности и мнения возведенного в доктрину, что посторонняя информация только мешает бойцу сосредоточиться на выполнении своих задач, отвлекая и сея необоснованную рассеяность при множестве не нужных в этот момент вводных.

– Кроме того, – продолжал уже куда уверенней особист, все же присматриваясь к реакциям Сема. Время от времени случались аномалии. Так называемые аномалии… вещи пока необъяснимые, но внешне схожие на одержимость, будто бы там, в дальнем космосе, при контакте с тем, что напоминает собой неизученную враждебную форму энергетической жизни, происходило частичное замещение личности бойца… ситуация пока мало изученная, редкая, но пугающая. Особист еще раз взглянул на Сема, облегченно вздох-

нул, и продолжил:

– Кроме того Вы восстанавливаетесь во всех гражданских правах. Вам присваивается тринадцатый социальный уровень по линии безопасности, право избирать и быть избранным, почетное место в резерве и, конечно же, солидное пенсионное содержание, я уж не говорю о льготах и плате за пятнадцать лет самоотверженного служения человечеству.

Особист улыбнулся. Дело шло к финалу. Дальше по списку шел «проблемный экспонат» и особист мысленно был уже там.

– Да, едва не забыл, – хлопну он себя со всей театральностью по голове. – Так же Вам возвращается право пользования личными аккаунтами и общения с близкими. В обмен на неразглашение, естественно… подпишите здесь, – показал пальцем он. – И пользуйтесь… Тем более, что Вас уже ждут.

«Ждут?! – едва не вырвалось у него. – Кто?» – быстро подписывая то, что полагалось.

«В конце концов, за все нужно платить, – размышлял он. – За право стать вновь гражданином – оставить все, что было „там“, там, где оно и было и где ему и место. В черноте космоса».

***

Аккаунты пестрили десятками тысяч писем, по своему большинству пустых поздравлений, ненужных предложений и прочего хлама. Он быстро пробежал этот список, пыта-

ясь выудить оттуда хоть что-то стоящее, но решил отложить это дело на потом, потому что… потому что, лишь переступив порог проходной военного госпиталя, увидел Солнце! Все время вынужденного по собственному согласию пребывания в замкнутой капсуле, где чернота вселенной превращалась в буйство красок всего электромагнитного спектра, который только могла интерпретировать его нервная система, не отягощенная ограничениями биологических датчиков, Сем не то чтобы забыл что такое солнце и как оно выглядит, но, напротив, был раздражён тем интенсивным монотонным светом, знакомым с детства и таким непривычным сейчас. Солнце будило в нем массу противоречивых чувств. Одновременно он загорал студентом на крыше своего кампуса и потом гордился ровным грязноватым загаром, и в то же время ощущал убогость данных ему природой органов чувств, в данном случае его глаз, не способных подарить ему наслаждение видеть то, что выходит за грани узкого видимого спектра. Привычка пятнадцати лет даже в кромешной черноте видеть малые сгустки энергии, кружащие или стремящиеся восвояси, мелкую рябь реликтового сеяния, оставшегося в той или иной мере в различные частях галактики, малейшее изменение плотности, заряда, непредсказуемого изменения движения – все что фиксировали множественные датчики и тут же, обработав, перенаправляли прямиком ему в нервную систему, – от этого было совсем не просто избавиться и забыть. И теперь, стоя

на твёрдой поверхности сразу у выхода из здания, Сем ощущал себя в миг ослепшим, лишённым счастья видеть и наслаждаться увиденным, и уж совсем не счастьем, которое так часто было описано в романтической литературе – ступить на землю и застыть под лучами родного Солнца.

– Привет, дорогой! – налетело тут же на него нечто и едва не снесло с ног. Тело хоть и прошло реабилитацию после водворения в него нервной системы, но окончательно ещё не слушалось. По крайней мере не так, как того Сему хотелось бы.

– Привет… – протянул, ощупывая то, что ещё не имел возможности лицезреть, в силу свалившейся солнечной слепоты.

– Ты, конечно, дурак ещё тот, – весело неслось со стороны мягкого волоса, крепкого тренированного женского тела. – Но то было давно. Теперь ты вернулся, и я просто не могла удержаться, чтобы не быть первой, кого ты здесь встретишь.

«Неужели?» – промелькнуло у него в голове.

– Ты мне должен много рассказать. Как там? Где был? Почему улетел? – суетилась она, увлекая Сема куда-то прочь. – Это просто непростительно с твоей стороны. Да, что ты полный дурочек я тебе уже говорила?

Их ждало нечто, что тут же и поглотило, усадило в удобные кресла, захлопнуло в свою скорлупу и тут же взмыло вверх. Сем даже опешил от характеристик, которые показывало это нечто, явно средство передвижения общественного

назначения, как Сему казалось, превосходя даже показатели той капсулы, в которой он был заперт последние пятнадцать лет.

«Надо же!» – удивлялся Сем, по мере того как ему возвращалось зрение. Она и вовсе не походила на ту, которую он оставил.

– Не бери в голову, – будто бы прочла его мыли она. – Это теперь нормально… У меня на разные случаи четыре тела. Подымусь до двенадцатого социального уровня, – получу возможность обзавестись ещё одним.

– Да? – не находил что ответить он. Мир за эти годы явно изменился. И он ощущал в нем себя чужаком, отставшим от реальности.

– Ты полный болван, что тогда сбежал от меня, – смеялась она и было в ней что-то от той девушки, которую он знал, хотя и выглядела она сейчас несколько иначе.

– Это я, уже понял.

– Ну вот и отлично! Где собираешься остановиться? Чем заниматься думаешь? Какой у тебя уровень? Что там вообще происходило? Теперь ты на всю жизнь под надзором? – сыпала вопросами она и, как Сему казалось, даже не ожидала ответов на них. По крайней мере он не успевал за её скоростью и потоком речи.

– Раз уж ты только прибыл и вовсе не приспособлен к настоящей жизни, думаю, тебе лучше всего остановиться у меня, – решила за него она. – Квартирка у меня не самых боль-

ших размеров, но на нас будет в самый раз.

– А ты?… – попробовал задать вопрос Сем.

– Замужем, не замужем… – рассмеялась она. – Ты что, там вообще ничего не слышал? Не следил, что здесь происходит?!

Сему стоило признаться, что он был полностью отрезан, от внешнего мира, но она, похоже, это и так знала.

– За эти годы мир изменился. И изменился он несколько раз. Институт брака давно отошел в прошлое. У меня сейчас шесть официальных партнеров и ни каких обязательств ни перед одним из них. К слову, с твоим появлением одного мне придется оставить. Лимит уровня. Но, думаю, он будут не против – смена партнеров одна из основ нашего общества.

– А как же?…

– Это пережитки, – обняла она его. – Ты настолько старомоден, что я просто плыву от этого. Ты обязательно должен поселиться у меня, к слову, какой у тебя уровень?

– Точно не помню, тринадцать или что-то такое… по безопасности, – протянул неуверенно Сем.

– Да нет! – рассмеялась она. – Ты точно что-то путаешь. Тем более по безопасности…

– Может и так… – не стал спорить он. Машина, или что это было, плавно присела на одну из ухоженную до состояния небольшого садика крышу невысокого здания, и они оба тут же оказались на аккуратно подстриженном газоне среди тонких ветвей молодых деревьев.

– Вот мы и прилетели. Правда здесь чудно?

– Да уж! – стоило признать, мир изменился. И пока что эти изменения его не могли одновременно не радовать и не пугать. Все было столь непривычно и чуждо, что он старался держаться поближе к ней, не отступая ни на шаг.

Дверь, разделяющая кабину лифта и остальное пространство мягко опала перед ними, впуская Сема со спутницей в её жилище. Мягкий умиротворяющий свет проникал через громадные поляризованные окна и создавал ощущение сбывшейся сказки, мира, наполненного эльфами, сказочными героями и совсем нестрашными и прямолинейными злодеями.

К слову, один такой «злодей» тут же показался из ванной комнаты.

– Привет! – произнес злодей ни сколько не стесняясь своей наготы. Над его головой витало нечто напоминающее витражный фен.

– Привет, – ответила спутница Сема, явно потеряв интерес у «злодею».

– Это твой новый? – поинтересовался он, бросая лукавый взор в сторону Сема.

– Ах, да, познакомься – это Сем. Новый?! Пожалуй да, если бывшие, конечно, бывают новыми.

– Понимаю, – без смущения он рассматривал некоторое время Сема. – На ретро потянуло. Понимаю… Ретро – это что, новый тренд? Ты где тело приобрел, дружище? – инте-

ресовался он напрямую у Сема.

– У меня перебор с партнерами, – прервала его новообретённая спутница Сема. – Так что нам, наверное, лучше расстаться.

– Понимаю! – улыбнулся он. – Тогда могу рассчитывать на прощальный…?

– В следующий раз! – едва не выталкивала за двери его она, даже не дав одеться. – Давай, давай…

Когда дверь вновь заслонила проем и квартира вновь обрела прежнюю сказочную привлекательность залитого медовым светом мирка, она тут же упала в кресло и вытянула ноги.

– Спортивному телу тоже временами нужен отдых, – ни к кому не обращаясь пояснила она. – Как ты относишься к толстушкам? – вдруг удивила его вопросом. – Сейчас они вновь в моде.

Он не нашелся что ответить да так и стоял посреди чего-то, что можно чисто условно было счесть за прихожую, не находя себе места в этом непонятном и чуждом для него мире.

Все было столь стремительно, нелогично, против морально-этичных ценностей, которые он ранее считал незыблемыми. Мир явно менялся, менялся быстро и стремительно, он даже ощущал, как в этот миг, после слов о «ретро», что-то сменилось в окружении и, возможно, даже своим появлением, он задал новое направление в ветреной и быстропере-

менчивой моде.

– Располагайся, – похлопала она по подлокотнику кресла рядом. – Мне кажется или ты ни на минуту не постарел? – рассматривала его она. – Добротно проработанное тело, должна сказать я. Наверное с ресурсом в несколько лет?!

– Это мое настоящее… – пояснил Сем.

– Да брось, – рассмеялась она. – Давно уже на Земле, да и во всем обитаемом мире, не пользуется своими настоящими телами. Разве что глубокие маргиналы и отщепенцы, эти, знаешь ли – слово божье и кара небесная. Все тела ущербны и содержат те или иные пороки, потому тебе достаточно быть благонадежным гражданином, вносить свой вклад в развитие общества и человечества и за это иметь все блага, которые тебе только дать способно общество.

– Без ограничений??

– Согласно твоего социального статуса, естественно, – ответила она. – Ты голоден?

– Не беспокойся. Перед выпуском мое тело напитали всем необходимым.

– Тогда, быть может, давай предадимся моменту радости от долгожданной встречи, потом впадем на пару часиков в коматозный сон и после этого, свеженькие, каким и ранее ни когда не были, отправимся в ночь?!

***

Его спутница, переоблаченная в пухлое ярко накрашенное тело, неподвижно спала, не подавая даже признаков жиз-

ни, ему же, напротив, не спалось. Блуждающие разноцветные энергетические пятна сонной капсулы первое время давили, погружали, вырывали из действительности, заставляли забыться, но, видимо, что-то за эти годы произошло с его нервной системой, постоянно стимулируемой для если и не постоянного бодрствования, то состояния близкого к таковому. Наверное потому Сему и не составило труда вырваться из этой паутины глубокого коматозного сна.

И покат она спала, у него была возможность осмотреться, оценить её жизнь, обстановку и прийти к выводу, что большинство из того, к чему он прикасался, что рассматривал, что силился осознать, оставалось для него неведомым, непонятным или алогичным. Мир изменился, и изменился настолько, казалось, что точек пересечения между былым, запомнившимся ему, и настоящим, как казалось, сошедшим с ума, находилось немного.

– Ты уже проснулся? – просто выпала из сна она. Не было ни единой фазы, которые, как помнилось Сему, предшествовали пробуждению. Ни сладостных потягивания. Ни одноминутных забвений перед тем как приять окончательное решение о подъеме. Ничего этого не было. Она просто открыла глаза и тут же была бодра, будто и не спала.

– Да… – кивнул он не вдаваясь в подробности.

– Вот и прекрасно, – подскочила она и тут же добавила. – О! Мы с тобой уже набрали полмиллиона лайкой и несколько тысяч комментариев.

– ? – непонимание читалось у него на лице.

– Вот, смотри. Мы с тобой можем стать порой вечера в нашем секторе. Это же замечательно! Я еще ни разу не становилась парой вечера… – восторженно лепетала она, оставляя для него шлейф непонятного и недосказанного. Он еще и сутки не находился в этом мире, а то, что здесь происходило, ему оставалось не просто не понятным, но и становилось чуждым

– А чем ты занимаешься? – решил сменить тему он.

– Я тионайтер, – пояснила она, так и не оторвавшись от внутреннего визора, проецировавшего все на сетчатку глаза. – О. Наши шансы растут. Да мы сегодня просто звезды. Пара вечера. А если повезет, то и пара недели!!

– А что делает тионайтер?

– Это очень серьезное занятие, чтобы вот так, на пальцах тебе рассказывать. Ты лучше посмотри, как мы рвем тусовку!

– Расскажи, мне интересно

– Что интересно?

– О работе.

– Какой же ты занудный и старомодный! – поцеловала она его. – Сейчас работа уже давно не самое главное в жизни. Большая часть и вообще не работает. А зачем? Безусловной доход от общества и синты – сообщества искусственных интеллектов – позволяет жить в полное свое удовольствие. Уровни растут с годами, доходы и сервис с уровнями – это

золотой век человечества, – поясняла она.

– Тогда почему ты работаешь?

– Мы с тобой из позапрошлого поколения. Мы по иному не умеем. Нам это в головы вбили… да, к тому же, если ты работаешь, то уровни растут быстрее. Я вот уже каких высот достигла!

Он, кажется начинал понимать цену своего уровня. С нотками скепсиса и разочарования, естественно.

– Ух ты! – вновь вспыхнула она, увидев нечто, что ему не было доступно. – А если мы быстро поженимся, интересно, наши шансы возрастут?

– Жениться?! – о таком повороте он даже… – Ты действительно хочешь выйти за меня? – сентиментальные нотки сквозили в сказанном, и даже скупая слеза космолетчика грозила пробиться на свет.

– Ну да. А что тут такого?! – буднично и не отвлекаясь от созерцания быстроменяющихся сообщений и диаграмм отвечала она. – Это нам поможет стать парой вечера и подать заявку на пару недели. – продолжала она. – Правда у меня три незакрытых брака. Но я думаю, что они не будут против. Тем более что и их социальные показатели после этого вырастут – бывшип той, что предпочла их своей старлй любви, возвратившемуся спустя пятнадцать лет космолетчику… жалось к ним и все такое. Думаю эти точно сумеют все правильно разыграть. Так что, – протянула она руку Сему. – Нам лишь нужно дать общее согласие и мы тут же становимся…

Он и глазом моргнуть не успел, как она произнесла:

– Поздравляю, теперь ты мой, а я твоя.

– Погоди, а как же?… – не успел он даже удивиться или возмутиться.

– Ты разве против? – вполне удивленно отвечала ему она. – Я думала, ты не будешь против. Но если так, то давай просто сохраним на некоторое время наш брак формальным, а в конце недели, если дело не сложится и мы не станем парой недели, мы разведемся. Делов то!

– Нет, я о другом, – смутился повороту событий Сем. – Это… Это все же серьезный шаг и он должен быть осознанным. Супружеская…

– Да-да, – рассмеялась она и поцеловала его в губы. – До самой гробовой доски или пока смерть не разлучит их. Как-то так.

Сем не нашелся что ответить.

– Ничего, ты привыкнешь, – обняла его она. – Это давно уже архаизма, – это он и так уже начал понимать. – Структура общества давно пережила эти цепи супружества, и теперь каждый индивид свободен как в выборе партнера, так и в праве безболезненно расстаться с ним, – создавалось ощущение, что она читает рекламный проспект, -…

Он смотрел на свою, теперь уже невесту, и не узнавал её. Пятнадцать лет, конечно, срок не малый, но чтобы при этом произошло столь коренное переформатирование личности – он просто не мог поверить своим глазам, и ушам, конечно же.

– Ты старомоден, дорогой, – прижимала его к себе она. – И это так интригующе. Мы с тобой сегодня на вечеринке произведем фурор. Да, точно, тебе подойдет этакий строгий костюм, а я буду … – и она тут же убежала куда-то, хлопотать о «дне сегодняшнем».

***

– Ой! Какая прелесть! – встретил их шум вечеринки, находящейся в самом разгаре. – Это он?! Да?! – тут же обступили его особы, едва не оттерев от «суженой».

– Я, я занимаю очередь после тебя, – манерно «цемкались» со спутницей Сема встречавшие их присутствующие. – Ты не пожалеешь, – подмигивали уже ему громадные неестественно окаймленный чем-то искусственным глаза.

– Мир, видимо, сошел с ума… – полушепотом вырвалось у него с уст.

– Что, дорогой? – играла роль любящей супруги его спутница. И так как вопрос не требовало ответа, тут же переключилась на подруг и демонстрацию своего счастья, ни на миг не отпуская руку Сема.

Вечеринка шумела, текла, разливалась в свету, парах чего-то вязкого и одурманивающего, изобилия напитков и синтетических питательных палочек. Массы людей, движения, тел, непристойных – с его точки зрения, конечно, непристойных – предложений. Единожды вдохнув клубящуюся атмосферу, ароматизированные пары, его рассудок тут же поплыл, сознание изменилось и если бы не крепкая рука его

спутницы, с одной стороны все так же неуемно следящая за своим новым избранным, дабы тот не пал жертвой женского или мужского коварства, оставаясь только её собственностью, хотя бы на одну эту ночь, и непонимания и неприятие всего здесь происходящего, с иной, он бы давно пал бы жертвой неуемного веселия и всеобщего разврата, царящего здесь.

– Милашка… – тянулись руки к нему. – Это, наверное, тяжело, столько лет быть вдали от своей любимой?!

– Ретро сейчас в моде, дророгуша, – трогал кто-то его теплый толстый костюм. – Это просто писк моды….

– О! – твои показатели растут! – улыбались его спутнице встречавшиеся на их пути «подруги». – Ты сегодня точно возьмешь приз. В нашем секторе уж точно. Не замахнулась ли ты на континентальный приз недели?!

– Я тебе нравлюсь? – почему-то спрашивала Сема его избранница и плыла в его глазах клубами чего-то неестественного.

– Конечно, – отвечал ей он не отдавая себе уже отчет в реальности происходящего.

– У меня четыре тела, если мы сегодня возьмем приз, то я подымись на одну ступень в социальной иерархии вверх и смогу иметь еще одно. Какое ты бы для меня выбрал?! Какое тебе больше нравится?! – шептала на ухо ему она.

Они полулежали на диване, периодами ловя чьи-то фразы, брошенные ими, наблюдая за парами, ничего не стесняющи-

мися и не скрывающими своих отношений, мир был прост, доступен и непостижим.

В этом море можно было утонуть. Погрузиться один раз и уже не вернуться. Но это море, как и любое другое, кишило хищниками. И пускай эти хищники питались совсем иным – временем, славой, силой, положением, чужими эмоциями – но от того они не становились менее вредоносными. Время от времени его спутнице приходилось отмахиваться от назойливых интересантов.

– Ну же, ну же! – время от времени напрягалась она, погруженная в созерцание все тех же рейтингов. И всяк раз с удовольствием и удовлетворением откидывалась назад, обнимая то его, то принимая очередные поздравления от подруг-завистниц. Этот вечер, перешедший уже в ночь, был явно её вечером. Она лидировала в рейтингах, она купалась в лучах внимания, обладала неоценимым и непревзойденным ресурсом в лице Сема и перспективы проснуться утром на один, а то и на два социальных уровня выше, росли просто на глазах.

– Ты моя самая великолепная находка! – не сдерживаясь шептала она ему на ухо. И Сему казалось, что в словах тех было больше потребительского, чем нежного и желанного.

Сем потерял уже счет времени. Казалось, он уже здесь пребывает целую вечность. Вечность и даже немного более, более ровно настолько, чтобы все происходящее уже начало набивать оскомину и вызывать внутреннее органическое от-

торжение.

– Может мы с тобой прошлись бы… под звездами?! – попытался предложить он, но, видимо, как и все здесь вокруг, оказался некстати.

– Да подожди, – отмахнулась она, вся погружаясь в видение, выстраиваемое сенсорами на сетчатке глаза, отчего выглядела и вовсе потерявшей связь с окружающей действительностью. – Сейчас все происходит…

«Сетчатка глаза является продолжение нервных связей головного мозга, и зрительные образы занимают до 85% в общем массиве усваиваемой человеком информации. Потому, видимо, если взять и перехватить контроль за зрительными образами, транслировать картинку через встроенные в глаз сенсоры, то, с высокой вероятностью, можно человека и вовсе вырвать из реальности. Поместить его, так сказать, в иную, управляемую и вымышленную вселенную!» – размышлял он в одиночестве.

«А ещё наиболее одиноки люди в толпе!» – вспомнил чью-то цитату он.

– Ура! – вдруг взлетела, подобно ракете, вверх его спутница. И тут же все присутствующие в помещении повторили её маневр. Окружение взорвалось, залилось воплями и поздравлениями полными радости и бури переживаний.

– Ты… ты… – сыпались на голову его спутницы поздравления. – Я впервые в одной компании с девушкой дня всего континента! – кричали и тискали её подруги, да, в прочем,

и все остальные, забыв о его присутствии вовсе.

– Ты прелесть! – лилось со всех сторон. Толпа пришла в движение и в замешательство одновременно. И она, его спутница и, как было озвучено ранее, жена, купалась в лучах сиюминутной славы, наслаждалась и упивалась, раздавая свое счастье вокруг.

Сем ощутил себя ещё более одиноким. Мир был явно антагонистичен его представления о нормах, правилах и устоях. Он не осуждал. Он просто не понимал. И потому чувство одиночества и оторванности лишь усиливалось.

Толпа ринулась в её сторону и он не нашел в себе ничего иного, чем просто отойти в сторону. Сначала на пару шагов, встав с диванчика, потом и вовсе переместившись поближе к стене, куда его активно оттесняли все желающие приобщиться к «человеку дня» и её славе.

***

– Правда, это было незабываемо? – последнее, что он помнил, перед тем как провалиться в забытие. Дорога домой заняла у них, казалось, вечность, и восходящее солнце встречало их уже на крыше её жилища.

– Да… – ответил он, погружаясь в быстрый сон, полный впечатлений и тяжелых мыслей.

Судя по таймеру, спал он около трех часов, но и этого вполне хватило, чтобы телу полностью восстановиться.

Её рядом не оказалось. Он пошарил рукой в надежде найти её, что там, тело… но ощущение белоснежных мягких

простыней и необъятной кровати тут же растаяло, лишь он уткнулся рукой в стенку капсулы для сна. Реальность и здесь не оставляла его в покое. Во сне одна – искусственная, в жизни – иная.

И как бы то ни было, а её рядом не было. Пустовала и её капсула.

«Где же она?!» – поднялся на ноги он и легкость как рукой сняло. Легкость сна тут же сменилась утренней скованностью во всем теле. Потянувшись, протирая глаза, он огляделся по сторонам. Все та же квартирка, тот же медовый свет, заливающий пространство, и лишь легкая вибрация, проникающая, казалось, во всё и не встречающая на своем пути ни каких преград, отличала квартиру сейчас от той, которой Сем запомнил её ранее. Источник вибраций исходил из освещенного проема в стене, которого ранее он не наблюдал.

Проем походил больше на провал с той лишь разницей, что чернота провала здесь заменялась ярким светом – в остальном все то же – не видно ни зги.

– Эй! – крепнул в пустоту Сем. – Э-ге-гей!

Ответом был ему гул и ощущение, что глаза вот-вот привыкнут к яркому свету после сонного забытья и он сможет…

И он смог. Он узрел.

– Привет, дорогой! – ответила ему выворотка её тела. – Погоди, я сейчас, нервную систему восстановлю и тело почищу.

Вскрытое, будто на разделочном стенде тело находилось

отдельно, нервная система мылась в лучах неведомых для него излучений на втором стенде. Её глаза, как он ранее и отмечал, правда более философски, являясь продолжением нервной системы, смотрели в его сторону вполне осознанно, покачиваясь на нервных волокнах-окончаниях. Губы растянутого и орошаемого тем же светом и питаемое через массу мелких трубочек-капилляров тела улыбались в его сторону алыми пятнами.

Он отшатнулся. Его едва не вырвало.

– Что с тобой, дорогой? – произносили губы.

«Что с тобой?!» – задавали немой вопрос глаза.

– Ничего, ничего… – вывалился из комнаты назад он. Картина увиденного привела его в ужас. Учитывая же её поведения, видимо, подобные процедуры здесь стали само собой разумеющимися. Нервная система, как средоточие, уж позвольте, знаний, памяти и души, стала тем, чем он, Сем, был ранее в своей капсуле. И если там, в бескрайних просторах космоса это было жизненно необходимо и обосновано, то здесь, спустя пятнадцать лет после первого использования технологии отделения нервной системы от тела военными, вошло в ежедневный обиход, превращая людей… Собственно, во что превращая?

Сем запутался. Прошлое его не отпускало. Прошлое строило ему картины бытия радикально отличные от существующих здесь и сейчас. И он, как ему казалось, мог бы переступить через себя, смириться, но принять и ассимилироваться

во все это, наверное, не смог бы никогда….

***

– Как же так? – манерно пускали слезы подруги «его суженой» – Как же так, дорогая?! – и их ретро-шляпки качались в такт их горю. – Только воссоединились же… Такая молодая и прекрасная пара!

– Тем более что такая великолепная и перспективная пара, – соглашалась с говорившей вторая, поддерживая под руку едва не оседавшую от горя «спутницу Сема». – Быть может после этого она удержится в ТОПе до конца года. Такая трагедия! Такая любовь!

– Да, – соглашалась первая. – Не всем так везет. Космолётчик. Красавец. Ретро! С ним она взлетела вверх на семь уровней. Говорят, что и он поднялся на несколько вверх. И даже по линии безопасности!

– Какое несчастье! Как же так произошло?

– Да вроде бы как он только на побывку вернулся. Не на всегда, – шептала одна из ретро-шляпок.

– И теперь он вновь возвращается в открытый космос…

– Да, скоро мы его увидим в новой боевой капсуле и сможем попрощаться… – шептала вторая. – Только не перестаем страдать… Сейчас нас видят миллионы глаз. Наши рейтинги растут. У нас есть шанс подняться на один или даже два социальных уровня вверх…

– О! Как же могло такое случится?!.

***

Сем погружался в давно ставшее привычным состояние постоянного стимулирования нервной системы дальнего космолетчика, никогда не погружающегося в сон и никогда в полной мере не бодрствующего. Эмоции, страсти и переживания вытеснялись прочь и сейчас он видел несколько корчащихся в приступах лживого сострадания фигур в причудливых шляпках. Мир вновь становился понятным и приемлемым. Он уходил на очередные пятнадцать лет, приняв такое решение под тяжестью несоответствия окружающего мира тому, что он знал и помнил и хоть она и кричала ему вслед: «Я буду тебя ждать! Все годы посвящу тебе!», – ощущения, что он захочет сюда вернуться, у него не было. Здесь все было ему чуждо, как, собственно, и он сам всему окружающему, и более ничего его здесь не держало.

– Прощай, дорогая! – попрощался его нервный остов, плотно смонтированный воедино с капсулами новой модификации.

– Прощай! – слышал он, удаляясь прочь…

ПОСЛЕСЛОВИЕ

– Ну как там? Как там? – переглядывались ретро-шляпки.

– Плюс уровень! – взвизгивала первая.

– О! – я вышла в сотню номинантов по контенту.

– Мне сделал предложение стать его невестой «Сам»! – округляла глаза «утратившая свою любовь».

– Как?! – визжали продруги. – Неужели «Сам»?!

– Да! «Сам»!!

– Подруга, как мы за тебя рады! Ты теперь не просто подымаешься по иерархии, ты имеешь шансы вообще войти в элитарные круги…

– Как нам с ним повезло! Правда?

– У тебя больше никого подобного на примете нет?

Бар «Наемник-Буратино»

Кабачок, стоит отдать должное, так себе. Несмотря на его репутацию и клиентуру, он как был похабненькой наливайкой, так ею и остался, несмотря даже на то, что здесь собирается в промежутках между «выходами» весь свет нашей профессии. Ну, по крайней мере те, кто не боится тут показываться.

Бар по одной понятной его владельцу причине носит невразумительное название» Наемник-Буратино» и слывет пристанищем тех, кто готов и способен выполнить любое щекотливое задание требующее не только хитрости и изворотливости, но и значительного физического воздействия на объект, чем бы или кем бы тот ни был. Вопрос морали в нашей профессии не стоит вовсе, чему хотя бы служит подтверждением заряженный дробовик, лежащий под стойкой у хозяина, – одноного, всего в шрамах добродушного головореза, за улыбкой которого проступает что-то вроде – знаю я вас всех, выводков, сам такой. Поговаривают, что дробовик это лишь верхушка айсберга, на самом деле бар представляет собой этакую громадную ловушку для любого, кто вздумает здесь бузить. Вот мы все и не бузим. Пьем, курим, общаемся, обсуждаем дела, понимаем заказы, иной раз даже обедаем – еда здесь так себе – но не более. «Наемник-Буратино» в нашем деле игранет роль чего-то вроде рыночной

площади в древности, когда торговцы мало чем отличались от разбойников и начиная торговлю каждая из сторон присматривалась, – если нас больше, то мы можем просто отнять товар, а прибывших пустить в расход, или прибывшие смотрели со своей стороны, не стоит ли бросить торговлю, похватать все что плохо лежит, женщин например, и быстренько отчалить? Вот так, говорят, и появились рынки в городах – места где арбитраж ведет третья сторона и право решать все спорные вопросы тоже принадлежит ей. Одноногий бармен, оговаривают, был в прошлом историком, и как и все и мы, оказался здесь волей случая и по призванию, так сказать. Быстро смекнул, что в творящемся здесь хаосе как раз не хватает такой вещи, как древний рынок – в плане безопасного места для заключения сделок и внешнего арбитража, если что потом идет не так.

Борис, с ударение на последний слог, а так звали хозяина кабака, в свое время побывал в десятке передряг, где потерял ногу, совесть и веру в человечество. И по пути все же помог многим, кто хоть и ступил на скользкую стезю наемничества, но мало что понимал в специфике этого дела. Помог он и мне, после чего я стал завсегдатаем его заведения, невзирая даже на обстоятельства со мной недавно приключившиеся. Мне бы залечь на дно и год не показываться, пока все не уляжется, но я просто не мог… это было уже профессиональным заболеванием и здесь даже деньги были не важны. Риск и адреналин становились смыслом жизни. Тем более

здесь, на этом острове, превратившемся в новый центр мира, где решались, порой, не просто судьбы отельных людей или даже народов, а порой и направление развития цивилизации. Не часто, но оговаривают, случалось и такое. Правда, чего только не услышишь в подобных заведениях.

Собственно, я и не собирался становиться наемником. Ну, подумайте, кому это вообще нужно?! Бросить свой тихий спокойный мирок, скажем, где-то в Альпах или за Уралом, где никогда ничего странного и пугающего не происходит, бросить сытую и беззаботную жизнь, и устремиться в водоворот событий, из которых мало кто выходил невредимым?! Ну кому это нужно, на самом то деле?! Но вот случается же… И виновником того, как ни странно, стал Борис. Тот самый Борис – владелец и, по совместительству, бармен кабака «Наемник-Буратино». И занесло же нас тогда, группу прибывших на остров (или, точнее, в город), группу туристов в это место! Собственно, ничего странного в туристах не было. Этих ротозеев ежедневно прибывает сюда с полсотни пароходов и столько же самолётов. Часть из них в той или иной форме остается здесь – кто без вести пропавшими, по глупости погибшими или вот такими, осознанно или не очень присоединившимися к братии наемников. Но большинство, конечно, возвращается домой, набравшись впечатлений и слухов, да ещё и озолотив местную сувенирную мафию.

Жизнь наемника полна экстрима, романтики, опасностей

и прочих бед, начиная, хотя бы с того, что за все это приходится платить утратой безусловного дохода и государственного обеспечения там, на Большой Земле. А как же иначе?! По-другому и не может быть. Наемнику, чтобы быть эффективным, должно быть голодным, это раз, и, не иметь нечего за спиной, – это два. По крайней мере так мне говорил Борис, напаивая и рассказывая, что вот тут, как раз сейчас, собирается группа, которая… словом, все плыло в голове от дешевого огненного пойла, и я даже сам не заметил как дал свое согласие и в тот же миг превратился из простого начавшего полнеть обывателя в стажера-наемника. Или что-то вроде того.

Порвал ли я с прошлым?! Не уверен. Но вот прошлое со мной рассталось, похоже, полностью, окончательно и безболезненно для себя. В этом и заключался парадокс нашей цивилизации – в большом мире уже давно все атрофировалось, прокисло и подгнило, так что любому, кто желал самореализации – там места просто не находилось. Вся активность, от простого наемничества, до интеллектуальной и деятельной элиты, в той или иной форме сконцентрировалась здесь, в городе, который давно считался на большой земле средоточием зла, порока и разврата. На этом противопоставлении, собственно, и зиждился прогресс нашего общества – инертная и упитанная Большая Земля и голодная поджарая братия города наемников. Наемников в самом широком смысле – от простых физиков и жриц любви, до просто «спе-

циалистов по решению щекотливых вопросов». В последнюю категорию, как понимаете, случилось попасть и мне.

Как догадываетесь, в террористы я, собственно, не записывался. Мы пили, обстановка перед глазами давно превратилась в набор мутных пятен. Борис виделся и вовсе громадной неведомых оттенков кляксой. А когда я открыл глаза, то светило яркое солнце, наш катер летел по водной глади, голова не радовала, как, в прочем, и желудок и я вдруг узнал, что стал «счастливцем», добровольно отказавшимся от всех благ цивилизации, превратившись в джентльмена удачи и подмастерье у специалистов по делам не самым приглядным.

Мои протесты первое время их забавляли, но потом, видимо, им надоело, и меня протащили на канате метров триста за катером, после чего мой рассудок несколько прояснился и буянить более не виделось необходимым да и не представлялось возможным.

Мир меня забыл тут же. Ни единого звонка, письма, послания. Просто вот был ещё вчера, водил знакомства, имел безусловный доход, как-то ворочался в застывшем студне цивилизации, даже ходил на работу – больше от того, что более заняться было нечем, – и на тебе – мир остался сам по себе и вовсе не заметил потери одного маленького атома, ранее его составлявшего. Наверное, это обстоятельство и стало решающим, почему я решил остаться здесь – в городе наемников, граде греха, низменных побуждений и полной амораль-

ности. По крайней мере так он виделся туристам, в него отправляющимися.

Собственно, наверное, мне стоило бы и представиться. Имя моё Чен. Не потому что я отношусь к одной из нацию Юго-Восточной Азии, напротив – это Юго-Восточная Азию культурно довлеет надо мной, как и над всем остальным миром, так что старомодные Семы и Джоны давно ушли в прошлое, уступив место совсем иным именам, ранее на просторах матушки Европы не встречавшиеся вовсе.

Команда моя состоит, или уже состояла, из пяти человек. И именно о них я вспомнил, когда рядом, всего в нескольких метрах от меня прозвучал оглушительный взрыв.

Я только что вышел из «Наемника-Буратино», и, видимо, за мной следили. По иному я не могу объяснить столь печальное для меня стечение обстоятельств, как этот взрыв. Сам по себе взрыв в физическом плане оказался не более чем пшиком, но вот в моральном подействовал на меня удручающе.

Так уж сложилось, что в команде нас было пятеро. Пять этаких не то отщепенцев, не то докторов наук, выехавших на порыбачить.

Внешне это напоминало дешевый сериал соответствующего содержания и, боюсь, вся команда всячески и пыталась поддерживать такой имидж.

«И только те, кому нужно, знали истину!» – подымала вверх свой тонкий пальчик белокурая Чин Ли (к слову, во-

все не походящая на азиатку), посмеиваясь над чем-то.

Уж мне то в первый раз пришлось самолично узреть, что эти пальчики способны сотворить с заказанным нам объектом такое… Нет, не хочу вспоминать.

Или Валдал. Странное имя, правда? Громадный угрюмый детина с непроницаемым лицом и повадками полными непредсказуемости – дитя без племени, без роду, а степень по физике имеет и, говорят, вполне заслуженно.

Ну, Людовик – наш король и глава группы. Как известно, короля делает свита, так вот – в нашем случае все было наоборот. Король задавал тон и «делал» свиту.

И две милашки, не то сестры, не то просто самозванки. Мастерицы на все руки и прочие части тела.

Ну чем не подборка персонажей для этакого не самого высокобюджетного сериала? Сериала, где герои берутся за дело и не встречая ничего, с чем не могли бы справиться, за сорок минут решаю проблемы сопоставимые со спасением человечества. И это только до обеда.

В реальности, уже после первого выезда, романтика развеялась. Не стану передавать все свои впечатления и даже разочарования, но, все вовсе не походило на сериал или даже на байки, которыми любили потчевать туристов в местных барах.

Второй раз, а потом и третий – было уже куда полегче и я даже начал входить в раж, если бы не случилось это недоразумение на последней, четвертой вылазке. Мы тогда ме-

сяц сидели без дела, передергивая в карты, попивая горючую несертифицированную жижу, время от времени, ради забавы, нападали на таких же, как мы, наемников, прозябавших без дела. Те тоже, видимо, были не прочь подраться. Туристов мы не трогали, хотя порой руки и чесались, глядя на эти умиротворенные растения, с открытыми от удивления и страха глазами слонявшимися группами с гидами-пройдохами по тем местам, где хаживать им не стоило.

И вот, случай подвернулся. Нужно было на материке, кажется в Африке, решить один щекотливый вопрос с задолжавшим хорошую сумму своим вкладчикам банком – точнее банкиром – и мы не думая подписались под дело.

Все казалось проще простого. Дело плевое. Приходим. Выслеживаем. Прорабатываем план. Зачищаем охрану. Вламываемся. Трясем. Пытаем. Шантажирует, роняем из окна, если требуется. Забираем то, что нужно – и банкира тоже, желательно – причем состояние последнего заказчик не регламентировал – и возвращаемся назад. Вроде бы все просто. Такие дела решались и ранее. Но вот в этот раз все как-то не пошло.

И банкир оказался не банкиром, а местным ростовщиком, таким же, как мы, только в прошлом, наёмником. С ним случилась в Городе какая-то оказия, и он перебрался на материк, осел там, незаконно естественно, и развернул свой бизнес со всеми вытекающими для местного населения последствиями.

И, похоже, был он в курсе. И план оказался несколько гниловатым, к тому же тут же рухнул. И мы как ни вертелись, все не могли до него добраться. Маленькая наша войнушка грозила перерасти в нечто большее, но нам все же удалось оторвать неплохой кусок, вынеся его личный сейф с ценностями, и после того на кренящемся на один борт суденышке отправиться в трансокеанское плавание.

И все, наверное, обошлось бы, если бы в один прекрасный день сейф не утонул. Сейчас он, наверное, покоится на глубине в пару километров и рыбы удивляются, что это за чудо им свалилось с небес? И так уж сложилось, исключительно случайно, естественно, что вину в том падении сейфа повесили на меня.

Уж я то точно здесь был ни причем. Просто вышел на перекур, на катерок налетела небольшая волна, качнула нас, катер накренился и чтобы не перевернуться самому, сбросил груз за борт. Катер, естественно. Потом было разбирательство о том, кто крепил, как крепил, у кого руки кривые, но почему-то сошлись на том, что я был причастен к этому происшествию и с меня спрос.

Утопить меня не утопили, решили вернуться сюда и разобраться по всем правилам дознания с пристрастием, но тут случилась ещё неприятность – с оплатой заказчика. И вновь каким-то краем все повесили на меня, так что лишь катер завидел берег Города, как я тут же дал стрекоча, проплыв, наверное, с пяток километров в плавь, маневрируя и конку-

рируя наравне с массой прочих суденышек помельче да лайнеров побольше, а также различной живности, что крутилась тут же, в поисках упавших объедков и пьяных пассажиров.

Стоит ли упоминать, что меня искали. Сыпали проклятиями, жгли мои шмотки, оставленные в комнатушке. Клялись разобраться и порешить при первой же возможности. Мой аккаунт в соцсети пестрил всем, что только могло прийти в голову разъяренным наемникам. И вот, я решился искать арбитража. Того самого арбитража, который возвел в бизнес Борис.

Мы с ним сговорились встретиться в его баре. Выбрали время, чтобы не пересечься с моей бывшей командой. Борис меня выслушал, покачал головой, назвал цену за услуги и обещал выступить независимым арбитром.

И лишь я только вышел из «Наемника-Буратино», как тут же все началось…

Грохнуло так, что урна взмыла в небо, обдавая окрестности своим содержимым, мелким битым бетоном и своими редкими осколками. Взвизгнула стайка туристов, закрывая головы руками, а лица фотоаппаратами.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.